

ДВЕ СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ

Н. А. Фененко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 января 2009 г.

Аннотация: анализируются две стратегии перевода слов-реалий, вытекающие из различных концепций общей теории перевода — лингвистической и интерпретативной. Автор сравнивает концептуальные установки данных теорий, а также предлагаемые ими конкретные переводческие решения проблемы реалий.

Ключевые слова: реалия, лингвистическая теория перевода, интерпретативная теория перевода.

Abstract: the article considers two different strategies of the national realities translation. These strategies are based on the two conceptions within the general translation theory — linguistic conception and interpretation conception. The author compares the basics of the theories as well as proposed variants of realities' translations.

Key words: *realia, linguistic conception of translation, interpretation conception of translation.*

Термин *реалия* стал частью понятийного аппарата переводоведения в середине XX в. Широкое распространение он получил после выхода в свет работы болгарских исследователей С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе», которая неоднократно издавалась в нашей стране.

В предложенном авторами определении [1, с. 59—60] зафиксированы основные характеристики реалии как «своеобразного переводческого понятия» — «особой категории средств выражения», которые имеют собственные признаки, отличающие их от других классов слов. Реалии обладают специфическим денотативным значением, которое обусловлено принадлежностью референта к определенной культуре и выявляется в оппозиции «свой»/«чужой». Коннотативные характеристики этих лексических единиц связаны с передачей национального (регионального, местного), временного (исторического) и социального колорита. Рассматривая реалию как факт «непереводимого в переводе», который «можно и должно перевести, т.е. переложить, перевыразить, воспроизвести для нового читателя на его языке», авторы привлекают внимание к «парадоксу реалий». Понятие «перевод реалий» дважды условно: реалия, как правило, непереводима (в словарном порядке) и, как правило, передается (в контексте) обычно не путем перевода [1, с. 94].

Созданная болгарскими переводоведами оригинальная концепция остается до настоящего времени единственной комплексной теорией, рассматривающей реалию как «часть национального и исторического своеобразия» и как один из самых сложных вопросов теории перевода [1, с. 19, 30].

Хотя предложенное авторами толкование термина реалия не нашло единодушного признания ученых [2], проблемы, связанные с приемами передачи реалий при переводе, стали активно обсуждаться различными направлениями как отечественного, так и зарубежного (в частности, французского) переводоведения.

Согласно отечественной традиции, реалия анализируется преимущественно в рамках лингвистической теории перевода, в которой переводческая проблематика рассматривается с позиций языкознания, включающего теорию перевода в число лингвистических дисциплин [3, с. 5]. Свою главную задачу сторонники этого направления видят в том, чтобы выявить системный характер процесса перевода как «перехода от одной системы знаков к другой» и описать его путем выделения модели перевода и особенностей реализации этой модели при переводе текстов различной жанрово-стилистической направленности [4, с. 3—4]. «Поскольку перевод всегда имеет дело с языком, всегда означает работу над языком, постольку перевод непременно требует лингвистического изучения — в связи с вопросом о характере соотношения двух языков и их стилистических средств» — отмечает один из классиков отечественного переводоведения А. В. Федоров [5, с. 23].

Лингвистический подход к изучению перевода, считает ученый, затрагивает самую его основу — язык, вне которого неосуществимы никакие функции перевода: ни его общественно-политическая, ни культурно-познавательная роль, ни его художественное значение. Лингвистическое изучение перевода, т.е. изучение его в связи с соотношением двух языков, позволяет опериро-

вать объективными фактами языка, поэтому лингвистическое переводоведение есть объективная научная дисциплина, основанная на изучении языковых и стилистических закономерностей. И хотя лингвистический путь исследования не является достаточным для постановки и решения всех проблем перевода (в частности художественного), он, безусловно, необходим в деле их исчерпывающего исследования [5, с. 24].

Анализ реалии осуществляется исследователями с учетом важнейших категорий лингвистической теории перевода и на основе ведущего методологического принципа межъязыкового лингвистического анализа — «принципа взаимной переводимости как главного свойства, присущего всякой паре языков» [6, с. 184].

Основа системного подхода к реалии с точки зрения лингвистической теории перевода заложена в трудах Я. И. Рецкера и связана с разработанным им понятием закономерных соответствий [7]. Однако наиболее подробное освещение эта проблема получила в трудах ведущих представителей отечественного лингвистического переводоведения — Л. С. Бархударова, А. В. Федорова, А. Д. Швейцера.

В монографии Л. С. Бархударова «Язык и перевод» вопросы перевода реалии, как и других лингвистических знаков, рассматриваются в связи с понятием эквивалентности, которая определяется как «сохранение неизменного плана содержания при замене плана выражения оригинала» [8, с. 11]. Ученый считает, что неизменность плана содержания — понятие относительное, поскольку в переводе всегда неизбежны потери. Сохранение плана содержания предполагает передачу, наряду с предметом сообщения, ситуацией и участниками общения, различных типов языковых значений: референциального, резюмирующего отношение знак — класс обозначаемых предметов или ситуаций; прагматического (отношение знак — участник речевого процесса), внутрilingвистического (знак — другие знаки). Указанные значения проявляются в переводе через один из типов соответствий: полное соответствие, частичное соответствие или отсутствие соответствия. Реалии — это типичный случай отсутствия соответствия, который восполняется в переводе транскрибированием (транслитерированием), описательным или приближительным путем или при помощи ряда переводческих трансформаций.

Сопоставление лексических единиц разных языков, которые при первом к ним подходе воспринимаются как полностью совпадающие, при более детальном рассмотрении свидетельствует о значительном различии их референциальных значений и, следовательно, о текучести границ меж-

ду типами соответствий. Реалия сближается с другими типами лексических единиц, поскольку полное совпадение слов в разных языках «во всем объеме их референциального значения относительно редки». Поэтому передача слов, обозначающих реалии, должна осуществляться на основе семантической эквивалентности текстов и с учетом принципа подчинения элементов целому [8, с. 17].

А. В. Федоров рассматривает реалии как крайний случай безэквивалентности — безэквивалентность «в чистом виде» [5, с. 184] и связывает решение вопроса об их передаче с теорией лексических вариантов. Лексические варианты, в его понимании, это часть тех соотносительных и параллельных средств, которыми язык располагает для выражения более или менее однородного содержания.

Анализируя перевод на русский язык новеллы Мопассана «La bête à Mait' Belhomme» («Зверь дяди Бельома»), ученый показывает, что слово *diligence* (*дилижанс*), а также синонимы, которые расширяют, сужают или конкретизируют его значение — *véhicule* (*экипаж*), *voiture* (*каре́та*), *guimbarde* (*старый неудобный экипаж, колымага*), переданы не только с помощью данных соответствий, но и с использованием других, более далеких по значению синонимов — *рыдван*, *ковчег*. Каждое из выбранных переводчиком слов «играет определенную стилистическую роль, выражает отношение автора к изображаемым вещам, оттеняет ту или иную сторону описываемого» [5, с. 198].

Параллельные по условиям контекста синонимические средства гораздо шире понятия синоним в его точном лингвистическом значении. Они близки к понятию текстового переводческого эквивалента, предложенному в свое время американским ученым Дж. Кэтфордом [9].

Согласно точке зрения А. В. Федорова, лексическая вариантность, допускающая «значительные колебания», типична и для передачи обозначений реалий, несмотря на то, что речь идет о понятиях и вещах, предполагающих точное описание и определение. Подобные «значительные колебания» ограничиваются рамками четырех способов перевода, к которым относятся следующие:

1. Транслитерация / транскрипция (полная или частичная), представляющая собой непосредственное использование данного слова, обозначающего реалию, либо его корня в написании буквами своего языка или в сочетании с суффиксами своего языка.

2. Создание нового слова или сложного слова, или словосочетания для обозначения соответствующего предмета на основе элементов и морфологических отношений, уже реально существующих в языке. Этот способ называется также описа-

тельным, перифрастическим, переводческой перифразой, способом функциональной замены.

3. Использование слова, обозначающего нечто близкое (хотя и не тождественное) по функции к иноязычной реалии, иначе, уподобляющий перевод, уточняемый в условиях контекста, а иногда граничащий с приблизительным обозначением.

4. Гипонимический или обобщенно-приблизительный перевод, при котором слова ИЯ, обозначающие видовое понятие, передается словом ПЯ, называющим понятие родовое [5, с. 207].

Рассматривая достоинства и недостатки каждого из перечисленных способов, исследователь подчеркивает, что в практике переводческой работы они применяются не изолированно, а в сочетании друг с другом. Исключительное использование только одного из них имеет следствием либо перегрузку переводного текста иноязычным словесным материалом или «экзотизмами» (при транслитерации или транскрипции), либо непомерное расширение текста (при описательном, перифрастическом способе), либо ведет к полной утрате национальной специфичности (при уподобляющем способе), либо к обеднению вещественного смысла (при гипонимической передаче) [5, с. 214].

А. Д. Швейцер рассматривает *реалию* в рамках прагматики перевода, определяющей отношения между языковым выражением и участником коммуникативного акта — отправителями и получателями сообщения [4, с. 239]. Ученый считает, что прагматика лежит в основе переводческой эквивалентности: если содержание исходного и конечного текста воспринимается по-разному их получателями, то перевод как двуязычный коммуникативный акт не достигает своей цели [4, с. 239]. Его точка зрения близка пониманию эквивалентности, представленному в трудах многих известных зарубежных исследователей. Здесь можно назвать концепцию «динамической эквивалентности» известного американского ученого Ю. А. Найды [10], принцип классификации текстов с ориентацией на читателя, предложенный немецким лингвистом А. Нойбертом [11], теорию функциональной эквивалентности, основанную на прагматике значения в трактовке немецкого ученого Г. Егера [12].

Прагматический компонент содержания, подчеркивает А. Д. Швейцер, влияет на передачу всех других его компонентов и расширяет диапазон средств, используемых для перевода безэквивалентных лексических единиц.

Применительно к реалиям важен такой критерий, как «степень знакомства с предметом» у получателя перевода. При передаче на английский язык реалий-советизмов наблюдается следующая закономерность: в текстах, рассчитанных на спе-

циалистов, а также на читателей, знакомых с советскими реалиями, преобладают транслитерация и калька. В текстах, адресованных более широкой аудитории, чаще встречаются объяснительный, описательный и другие виды перевода, а транслитерация и калька обычно сопровождаются пояснительными комментариями [4, с. 251].

У А. Д. Швейцера, таким образом, принципиальное значение приобретает «фактор адресата» (информационный запас получателя информации). Последний в другой терминологии определяется как степень преинформационного запаса [13] или как уровень способности понимания текста адресатом [10].

Еще один важный критерий, предлагаемый А. Д. Швейцером, — функциональная роль реалии в сообщении. Принимая во внимание функциональную значимость, переводчик может «снять реалию» в нескольких особых случаях:

- если она несет незначительную нагрузку в смысловой структуре текста;
- если она упоминается лишь эпизодически;
- если она выполняет не денотативную, а экспрессивную функцию и, следовательно, не может вызвать конкретные образные ассоциации у читателя текста перевода [4, с. 251].

Этот прием известен также как «опущение реалии» или «нулевой перевод» [1, с. 109]. Он может снижать когнитивную ценность художественного текста, но не мешает достижению основной его функции — поэтической [6, с. 486].

Выдвигая в качестве решающего критерия эквивалентности при переводе условие прагматической адекватности, А. Д. Швейцер подчеркивает, что социально-культурные различия между получателями исходного и конечного сообщения позволяют говорить лишь о соответствии, но не о полном тождестве восприятия ими соответствующих текстов. Поэтому переводческое решение носит не максимальный, а оптимальный характер, обусловленный стремлением учесть два противоречивых требования — отражение жанрово-стилистических особенностей оригинала и уподобление соответствующим произведениям на языке перевода [4, с. 262].

Завершая обзор теории реалии с позиций лингвистического переводоведения, нельзя обойти вниманием работы выдающегося отечественного романиста В. Г. Гака. Хотя среди его трудов нет монографий по общей теории перевода, его многочисленные труды по сопоставительному исследованию русского и французского языков вносят большой вклад в развитие лингвистического переводоведения [3, с. 58].

По мнению В. Г. Гака, общая инвентаризация и типологическая классификация всех возможных

языковых преобразований может оказать переводчику существенную пользу. С одной стороны, она позволяет дать лингвистическое объяснение любому виду расхождений при переводе, с другой — предоставляет переводчику полный набор средств, способных выразить данное значение, что позволяет избежать стихийного характера переводческих преобразований [14, с. 64] или так называемого переводческого произвола.

Применительно к интересующей нас проблеме важное значение приобретают детально обоснованные ученым теоретические положения о видах языковых преобразований, факторах и сферах их реализации.

Согласно точке зрения В. Г. Гака, исходной единицей изучения типов преобразований при переводе в тексте является высказывание, т.е. актуализированное предложение. Его исследование осуществляется путем анализа семантической структуры высказывания, описывающего данный отрезок ситуации, и слова как компонента высказывания [15, с. 469]. Поскольку в основе семантических изменений наименования (семантических трансформаций) лежат формально-логические отношения между понятиями, определить семантические трансформации можно, по мнению ученого, исходя из типов связей, отражающих ассоциации, способные возникнуть в сознании человека. На основе пяти основных логических отношений между понятиями (равнозначность или совпадение объемов двух понятий, внеположенность или исключение, контрадикторность, подчинение или включение, перекрещивание или пересечение) В. Г. Гак выделяет пять семантических процессов и типов трансформации наименования. Это логико-семантическая синонимия, смещение (использование для наименования данного понятия названия смежного понятия в пределах одного родового понятия), антонимия, расширение или сужение и семантический процесс переноса (метафора или метонимия) [15, с. 470—471].

Для реалий как «следствия асимметрии в семиотическом плане, которая заключается в отсутствии одного из компонентов знакового отношения: обозначаемого или обозначающего» [15, с. 146], наиболее существенными оказываются отношения равнозначности. Они обеспечивают адекватность описания ситуаций с точки зрения обозначаемых денотатов. Например, при переводе на французский язык рассказа А. П. Чехова «Крыжовник» реалия «десятина» во фразе «Он читал одни только объявления о том, что продаются столько-то десятин пашни» передана словом *arpent* (старинная французская мера площади, вдвое меньше десятины). Поскольку точное количество земли здесь не имеет значения, русская реалия заменяется

французской для сохранения привычных для французского читателя предметных отношений. Существенными оказываются также отношения подчинения, которые проявляются в замене гиперонима гипонимом (конкретизация) или гипонима гиперонимом (генерализация).

Однако, несмотря на универсальный характер семантических трансформаций, решающим при переводе реалий, по мнению В. Г. Гака, является все-таки не способ их обозначения, а конкретное устройство и функционирование данной реалии, а также наличие связанных с ней определенных ассоциаций в сознании носителей языка [15, с. 145].

Принципиально иная стратегия передачи реалий при переводе представлена в работах французских теоретиков, развивающих концепцию интерпретативной теории перевода [подробнее см. 16].

В отличие от лингвистической теории перевода интерпретативная теория перевода (ИТП) исходит из положения о том, что процесс перевода осуществляется только на уровне текста. Перевод на уровне отдельного слова, словосочетания или предложения — предмет изучения сопоставительной лингвистики, а не теории перевода. Последняя должна сосредоточить свое внимание на взаимодействии переводчика с текстом. В этом случае язык из предмета специального анализа превращается в инструмент, используемый в процессе коммуникации. Задача же перевода, согласно ИТП, заключается в достижении эквивалентности текста оригинала тексту перевода путем передачи рациональной и эмоциональной составляющей смысла [17, с. 107].

В основе ИТП лежит понимание интерпретации как универсального феномена, который, применительно к переводу, означает глубокое и активное восприятие текста оригинала с целью извлечения его смысла и последующего его воспроизведения средствами языка перевода [17, с. 15—16]. Стратегия интерпретации реализуется через три тесно связанных между собой составляющих переводческого процесса:

- понимание текста оригинала;
- девербализация текста оригинала путем абстрагирования от его языковой формы;
- ревербализация, т.е. выражение мыслей и чувств, представленных в тексте оригинала, средствами другого языка.

Понимание текста означает выделение его смысла, который определяется как «находящийся вне системы языка замысел автора» и создается «путем слияния мысли с семиотическим знаком» [17, с. 24].

Термин **смысл (sens)** как продукт синтеза значений языковых единиц и релевантных когнитивных дополнений сегмента высказывания

применяется теоретиками ИТП только по отношению к тексту. Термин **значение (signification)** используется исключительно по отношению к словам, входящим в состав простых и сложных предложений, но рассматриваемым изолированно, вне связи с коммуникативным контекстом.

Последовательное разграничение двух этих терминов отражает отличие понятия «смысл текста» по ИТП от широко распространенного в лингвистическом переводоведении определения смысла «как актуализированного в речи значения языковой единицы». Предлагаемая ИТП дефиниция совпадает с определением смысла высказывания в сфере одноязычной коммуникации в том его понимании, которое предложено в работах М. М. Бахтина [18, 19].

Девербализация (déverbalisation) характеризует процесс, в результате которого переводчик абстрагируется от формы исходного сообщения путем «забывания» значений слов исходного сообщения [17, с. 213].

Этот феномен, по мнению французских ученых, типичен и для восприятия текста в одноязычной коммуникации, когда на этапе понимания значения слов «растворяются» в смысле целого высказывания, и говорящий не может повторить те слова, которые сам же использовал для выражения своих мыслей. В его памяти сохраняется лишь смысл сказанного. Феномен девербализации неразрывно связан с процессом понимания текста, поскольку именно «освобождение» переводчика от исходной формы обеспечивает извлечение смысла высказывания.

Ревербализация (reverbalisation) — процесс поиска переводчиком таких средств выражения смысла текста, которые «способны передать самые тонкие оттенки мысли автора и вызвать у читателя перевода чувства, аналогичные тем, которые испытывает читатель подлинника» [17, с. 43]. Процесс ревербализации осуществляется с учетом различий между прямыми соответствиями (*correspondance*), зафиксированными в двуязычных словарях, и смысловыми — текстовыми — эквивалентами (*équivalence*), создаваемыми переводчиком только для данного конкретного случая (конкретного текста) единицами смысла. Перевод с помощью эквивалентов — основа стратегии ИТП: продуцирование текста перевода — есть творческий процесс выражения на языке перевода смысла, извлеченного из текста оригинала, что возможно только путем создания текстовых эквивалентов.

Согласно ИТП, основные этапы переводческого процесса (понимание, девербализация и ревербализация) являются универсальными и не зависят от задействованных в переводе комбинаций языков. А поскольку механизм понимания и воспроизведения текстов при переводе идентичен тому,

который реализуется в условиях одноязычной коммуникации, при передаче смысла оригинала не следует опираться на лексико-синтаксические структуры, не свойственные языку перевода [19].

Именно в этом ключе ИТП решает вопрос передачи при переводе номинаций реалий как предметов или явлений, которые свойственны культуре языка оригинала и отсутствуют в культуре языка перевода.

Подчеркивая, что «культурные предметы» выступают наиболее яркими выразителями национального колорита текста как фрагмента «чужой» культуры, М. Ледерер выделяет следующие основные формы их отображения в тексте [20, 21].

Во-первых, это более или менее подробные описания специфических для одной культуры явлений (*faits culturels véhiculés par le discours*), не свойственных другой культуре.

Во-вторых, это особые термины, называющие реалии чужой культуры, которые не известны в своей культуре и, следовательно, не имеют соответствующих номинаций в своем языке (*éléments culturels proprement linguistiques*).

В-третьих, это так называемые культурные аллюзии (*les allusions culturelles*), способные вызывать в сознании читателя множество сопряженных с данным словом ассоциаций, связанных с явлениями своей культуры. Таких ассоциаций у читателя перевода, естественно, не возникает.

В-четвертых, чужая культура может передаваться с помощью так называемого культурного подтекста (*un implicite culturel*), когда реалия, вследствие общеизвестности в своей культуре, не требует дополнительной экспликации своего значения в тексте оригинала. Напротив, в чужой культуре она не известна и потому способна создать культурологическую лакуну при чтении текста перевода.

Вопрос передачи реалий при переводе рассматривается автором в русле стратегии интерпретации. Данное явление не представляет проблем в плане «переводимости»: национально-специфические реалии так же переводимы, как и любой другой сегмент текста. На этапе вычленения смысла — понимание культурной составляющей — профессиональный переводчик, по определению, не должен испытывать трудностей: будучи личностью двуязычной и бикультурной, он одинаково в совершенстве владеет двумя языками и двумя культурами. Столкновение с какой-либо новой, неизвестной ему реалией лишь подталкивает его к пополнению своего когнитивного багажа [21, с. 123].

Главные трудности, с которыми встречается переводчик, возникают у него исключительно на этапе ревербализации и связаны с поиском средств выражения данной реалии на другом языке.

Выбирая «решение на перевод» реалии, переводчик, по мнению М. Ледерер, должен руководствоваться несколькими критериями, имеющими универсальный характер и распространяющимися на перевод любого слова, функционирующего в тексте. Эти критерии подробно рассматриваются автором на примере перевода на русский язык повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» [21].

Прежде всего, реалия должна переводиться с учетом контекста всего произведения, который, по ходу повествования, позволяет вносить уточнения относительно неизвестного читателю предмета с помощью представленной в тексте информации об образе жизни данного народа, его менталитете, реакции персонажей на описываемые события.

Так, использование транскрибированной формы «*kibitka*» («*кибитка*») не дает французскому читателю полного представления об этой русской реалии, хотя ему ясно, что речь идет о средстве передвижения. Более подробная характеристика предмета осуществляется путем его «визуализации» в контексте: «*La kibitka suivait un étroit chemin ou, plus exactement, une piste frayée par des traîneaux de paysans*» (досл.: «*Кибитка продвигалась по узкой дороге, точнее, по колее, проложенной крестьянскими санями*»), «*La kibitka se mouvait lentement, tantôt se hissant sur un monticule de neige, tantôt tombant dans un ravin*» (досл.: «*Кибитка продвигалась медленно, то въезжая на снежную горку (в сугроб), то обрушаясь в глубокий овраг*»). Нарисованная переводчиком живописная картина движения кибитки в метель позволяет читателю догадаться, что речь идет не о «повозке на колесах» (*véhicule à roues*), а о «*санях*». Выбор переводчиком словарного соответствия «*traîneau couvert*» («*закрытые сани*») сделало бы текст понятным французскому, но лишило бы описание местного колорита.

Анализируя перевод «Капитанской дочки», выполненный Раулем Лабри, М. Ледерер отмечает, что при передаче реалии «*недоросль*» переводчик отказывается от ее прямых французских соответствий: *fil de famille* — «*юноша из хорошей семьи*», *enfant attardé* — «*отсталый ребенок*», *enfant gâté* — «*избалованный ребенок*». Не использует он и французское соответствие *béjaune* — «*желторотый птенец, молокосос*», которое является устаревшим и не употребляется в современном французском языке. Это понятие вводится в текст в форме сноски, разъясняющей значение не знакомой французам русской реалии: «*Nedorosl — terme qui désigne le jeune noble qui n'a que quinze ans, âge d'entrer au service, et reste auprès des siens...*» (досл.: «*Недоросль — слово, обозначающее юного дворянина,*

который не достиг пятнадцати лет — возраста призыва на военную службу, и живет с родителями...»). Раскрыв значение данной реалии, Рауль Лабри уже больше не использует русское заимствование, а создает текстовые эквиваленты. Например, русское предложение «*Я жил недорослем...*» переведено французским предложением «*Je vivais comme tout jeune noble campagnard, avant l'âge de servir...*» (досл.: «*Я жил как всякий молодой сельский дворянин, не достигший призывного возраста...*»), что, с одной стороны, верно передает смысл подлинника, а с другой — апеллирует к реалиям собственной культуры (*noble campagnard*). Это облегчает читателю восприятие чужой действительности.

Следующий критерий, которым должен руководствоваться переводчик, — значимость реалии в контексте, ее роль в сравнении с другими элементами текста и по отношению к этим другим элементам. Например, реалия «*заячий тулуп*» играет в повести А. С. Пушкина ключевую роль, поэтому переводчик считает необходимым ее сохранить. Хотя слово «*тулуп*» и связанная с ним информация не входят в когнитивный багаж французского читателя, ему, в целом, понятно, что речь идет о теплой одежде. Значение этого слова уточняется с помощью контекста, в частности, путем объяснения незнакомой реалии «*тулуп*» через знакомую французам реалию «*pelisse*» («*шуба*»). Ср.: «*(Недели на меня) заячий тулуп, а сверху лисью шубу*» — «*...un court touloup de peau de lièvre et par dessus, une grande pelisse en peau de renard*».

Реалия «*дядька*» также играет важную роль в повести «Капитанская дочка», поэтому переводчик счел необходимым оставить ее в тексте, уточнив при этом значение в сноске: «*diadka — celui-ci est un homme de confiance, sans doute, mais il reste un domestique*» досл.: «*дядька — доверенное лицо, которое остается все-таки слугой*». Переводчик не использовал в этом случае французские соответствия («*gouverneur*» — «*губернер*» или «*précepteur*» — «*учитель*»), которые придали бы Савельичу несвойственные ему функции наставника. Не воспользовался он и близким по значению к русскому слову «*дядька*» словарным соответствием «*menin*» в связи с его архаичным характером: будучи широко распространенным в XVII в., это слово не понятно современному французскому читателю. Несмотря на кажущуюся точность межъязыковых соответствий, их использование не обеспечило бы верности смыслу текста оригинала. Поэтому переводчик, объяснив в начале повести значение неизвестной реалии в сноске, в дальнейшем в тексте использует транслитерированную форму «*diadka*». Тем самым он не отбрасывает значимое для повести А. С. Пушкина слово и в то

же время сохраняет верность слову писателя и национальный колорит текста.

При передаче реалии необходимо также принимать во внимание факт невозможности воссоздать «чужую» культуру в переводе в полном объеме [20, с. 171]. Задача переводчика — передать атмосферу произведения, помочь читателю понять незнакомые ему реалии и пополнить ими свой когнитивный багаж. В этом случае переводчик обязан ориентироваться на своего будущего читателя, который в процессе чтения сможет самостоятельно расширять и пополнять свой запас знаний. Читатель сам открывает для себя другую культуру, а задача переводчика — помочь ему в этом, снимая там, где возможно, этнографические лакуны и сохраняя в большей или меньшей степени национальный колорит текста.

Например, «гонять голубей» — не известное во Франции развлечение. Попытка эксплицировать данную реалию («faire tourbillonner les pigeons sur le toit» — досл.: «заставить голубей кружиться над крышей») удивила бы французского читателя, которому не понятно, как и зачем нужно заставлять голубей кружиться над крышей. Вряд ли была бы удачной и попытка раскрыть культурную информацию, стоящую за данной реалией, с помощью объяснений — «les faire voler à sa guise, dresser en quelque sorte» (досл.: «заставить (голубей) лететь туда, куда нужно»; «особым образом дрессировать их»). Такой перевод потребует еще более подробных разъяснений, а, как известно, любая избыточная экспликация отвлекает внимание читателя от повествования. Оптимальным вариантом в этом случае будет не объяснение французскому читателю правил популярного у русских развлечения, а привлечение его внимания к тому, что речь идет именно об игре. Задача переводчика при этом — передать атмосферу беззаботного веселья, счастливого времяпрепровождения дворянских детей. Текстовый эквивалент «purchasser les pigeons» (досл.: «гнаться за голубями», где французский глагол имеет значение «гнаться», «преследовать», «охотиться на животных») полностью отвечает стоящей перед переводчиком задаче.

В основе стратегии перевода реалии лежит, таким образом, создание аналогичной подлиннику атмосферы повествования, аналогичного эффекта эстетического воздействия текста на читателя.

Рассмотренные выше две стратегии перевода реалии отражают две различные концепции общей теории перевода.

Сторонники лингвистического переводоведения решают проблему передачи реалии при переводе через систему регулярных переводческих трансформаций. Ученые идут от понятия системы языка к особенностям ее реализации в тек-

сте. Они стремятся проследить взаимосвязь и взаимозависимость системных языковых процессов с особенностями их актуализации в тексте перевода, раскрыть системный характер межъязыковых соответствий при переводе с одного языка на другой. Стратегия передачи реалии в лингвистической теории перевода — это поиски и систематизация реально возможных (как в словаре, так и в тексте перевода) соответствий «непереводимым единицам другого языка».

Интерпретативная теория перевода решает проблему перевода реалий, исходя из одного из важнейших своих постулатов: объектом исследования выступает только текст, точнее, его смысл, который может быть беспрепятственно передан при переводе. Трудности перевода заключаются не в отсутствии соответствий, сигнализирующих разницу в системах языков (т.е. наличии «непереводимых единиц языка»), а в нахождении эквивалентных средств выражения, передающих смысл исходного высказывания.

Выбор способа передачи реалии осуществляется, согласно ИТП, на основе комплексного подхода, который ориентирован на смысл текста оригинала и обусловлен как объективными факторами, так и субъективными предпочтениями самого переводчика. Особую роль в его формировании играет объективная природа текста: описываемая автором действительность, эпоха создания произведения, эстетическое кредо автора, круг его предполагаемых читателей. Эти условия позволяют переводчику очертить границы, внутри которых эксплицитно представленная в тексте информация дополняется необходимыми знаниями (когнитивными дополнениями). Передавая описываемые автором события, мысли и чувства персонажей, переводчик «реконструирует» единство эксплицитного / имплицитного, составляющее авторский замысел и смысл высказывания, т.е. создает новое соотношение эксплицитного и имплицитного.

Несмотря на различие исходных концептуальных установок, обе теории близки в плане конкретных решений проблемы перевода реалий. Описание системных различий в лингвистической теории перевода базируется на понимании перевода как вида межъязыковой и межкультурной коммуникации. Принципиальное значение для выбора способа передачи реалии приобретают категории семантической и прагматической эквивалентности текстов, а также такие факторы, как подчинение элементов целому, функциональная роль реалии в сообщении, жанрово-стилистические особенности текста. Сопоставительные исследования текста оригинала и перевода приводят ученых к выводу о том, что перевод никогда не ограничивается выбором из числа тех элементов,

которые зафиксированы в словарях (даже самых подробных) как соответствия определенному слову оригинала. Словарь не в состоянии предвидеть все конкретные сочетания, в которые попадает слово, поэтому приоритетное значение приобретает контекст произведения.

Согласно ИТП, переводческие решения проблемы реалии могут быть самыми разнообразными — от заимствования иноязычного слова до его экспликации в тексте или его объяснения в комментариях переводчика. Для квалифицированного переводчика не важно, имеет ли то или иное слово (в том числе и то, которое называет чужую реалию) словарное соответствие. Его решение осуществляется с помощью текстовых эквивалентов, поскольку межъязыковые соответствия далеко не всегда могут достоверно передать выраженные в произведении мысли и чувства.

Переводчик призван понять логику текста, почувствовать его образность и эмоциональную нагрузку и передать читателю эквивалентную по своему эстетическому воздействию «интерпретацию» оригинала наиболее оптимальным и эквивалентным способом. Поэтому при передаче реалии переводчик выбирает из множества возможностей ту, которая позволяет эквивалентно выразить понятый им смысл и позволит наилучшим образом отразить культурно-исторические различия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Влахов С.* Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — Изд. 3-е, испр. и доп. — М., 2006. — 448 с.
2. *Фененко Н. А.* Лингвистический статус термина реалия / Н. А. Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2007. — № 2, ч. 1. — С. 5—9.
3. *Комиссаров В. Н.* Лингвистическое переводоведение в России : учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. — М., 2002. — 184 с.
4. *Швейцер А. Д.* Перевод и лингвистика : (газетно-информационный и военно-публицистический перевод) / А. Д. Швейцер. — М., 1973. — 280 с.
5. *Федоров А. В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. языков / А. В. Федоров. — 5-е изд. — СПб. ; М., 2002. — 416 с.
6. *Гарбовский Н. К.* Теория перевода : учеб. / Н. К. Гарбовский. — М., 2004. — 544 с.
7. *Рецкер Я. И.* Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. — М., 1974.
8. *Бархударов Л. С.* Язык и перевод / Л. С. Бархударов. — М., 1975. — 240 с.
9. *Кэтфорд Д. К.* Лингвистическая теория перевода / Д. К. Кэтфорд // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978. — С. 91—113.
10. *Найда Ю. А.* К науке переводить : принципы соответствий / Ю. А. Найда ; пер. с англ. Л. Черняховской // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978. — С. 114—136.
11. *Нойберт А.* Прагматические аспекты перевода / А. Нойберт ; пер. с нем. А. Батрака // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978. — С. 185—201.
12. *Егер Г.* Коммуникативная и функциональная эквивалентность / Г. Егер ; пер. с нем. А. Батрака // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978. — С. 137—156.
13. *Миньяр-Белоручев Р. К.* Как стать переводчиком? / Р. К. Миньяр-Белоручев ; отв. ред. М. Я. Блох. — М., 1999. — 176 с.
14. *Гак В. Г.* Типология контекстуальных языковых преобразований при переводе / В. Г. Гак // Текст и перевод / отв. ред. А. Д. Швейцер. — М., 1988. — С. 63—75.
15. *Гак В. Г.* Языковые преобразования / В. Г. Гак. — М., 1998. — 768 с.
16. *Фененко Н. А.* Реалия в контексте интерпретативной теории перевода / Н. А. Фененко // Теоретические и прикладные аспекты описания языка и межкультурной коммуникации : сб. науч. тр. факультета романо-германской филологии / [отв. ред. Л. В. Цурикова]. — Воронеж, 2008. — Вып. 2. — С. 250—261.
17. *Lederer M.* La traduction aujourd'hui. Le modèle interprétatif / M. Lederer. — Paris, 1994. — 224 p.
18. *Bodrova-Gogenmos T.* La traductologie russe (théorie, pratique, enseignement): ses apports et ses limites: thèse pour obtenir le grade de docteur de l'Université de Paris III / T. Bodrova-Gogenmos. — Presse de la Sorbonne nouvelle KSCI, 2000. — 519 p.
19. *Бодрова-Гоженмос Т. И.* Интерпретативная теория перевода: основные положения, понятия и дефиниции / Т. И. Бодрова-Гоженмос // Социокультурные проблемы перевода : сб. науч. тр. : в 2 ч. — Воронеж, 2006. — Вып. 7, ч. 1. — С. 42—51.
20. *Lederer M.* Traduire le culturel : la problématique de l'explicitation / M. Lederer // Palimpsestes N 11. Traduire la culture. — Presses de la Sorbonne Nouvelle. — 1998. — P. 161—171.
21. *Lederer M.* Transmettre la culture, pas la langue / M. Lederer // Социокультурные проблемы перевода. — Воронеж, 2004. — Вып. 6. — С. 121—130.

*Воронежский государственный университет
Фененко Н. А., доктор филологических наук,
декан факультета романо-германской филологии*

*Voronezh State University
Fenenko N. A., Doctor of Philology, Dean of Faculty
of Romance and Germanic Philology*